

УЧАСТИЕ РОССИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ И ПОЗИЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СУДЕБНОЙ ДОКТРИНЫ (окончание)*

Толстых Владислав Леонидович

Руководитель Высшей школы права

Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (Москва),
доктор юридических наук, ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

Статья содержит комплексный обзор практики участия РФ в деятельности международных судов. Автор рассматривает судебные дела с участием России, начиная с XIX в., характеризует вклад отдельных политиков, дипломатов и юристов в становление и развитие международного правосудия, комментирует отдельные судебные решения и позиции высших судов РФ. Особое внимание уделяется деятельности Суда ЕАЭС и его вкладу в развитие евразийского правопорядка. Автор выделяет основные параметры государственной политики в сфере международного правосудия: ориентированность на согласительные процедуры; разделение компетенции по сопровождению судебных процессов между различными органами; назначение в качестве судей кадровых дипломатов; политизированность отношения к международным судам; установка на «принципиальное сопротивление» и др. Автор характеризует общее состояние отечественных доктринальных исследований в данной области и рассматривает дискуссии по отдельным проблемам (роль международных судов, нормативное значение судебных решений, целесообразность особых мнений и др.). В целом российская доктрина дает ответы на большинство злободневных вопросов, поставленных в рамках проблематики международного правосудия; при этом в ряде случаев она не ограничивается компиляцией или комментированием позиций западных авторов, но предлагает собственные решения. Одновременно существует несколько системных проблем: вопросами международного правосудия интересуется довольно узкая группа специалистов; многие важные решения, вынесенные по делам с участием России, не комментируются; доктринальные разработки не востребованы государственными органами и международными судами; российская доктрина не является полноправным участником западного дискурса; общая ситуация в российских университетах не способствует серьезной исследовательской работе.

Ключевые слова: международное право, международное правосудие, международные суды, судебная практика, судебный прецедент, правовая доктрина

Для цитирования: Толстых Л. А. Участие России в деятельности институтов международного правосудия и позиция отечественной судебной доктрины (окончание) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 4. С. 16–30. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_4_16.

RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE ACTIVITIES OF INSTITUTES OF INTERNATIONAL JUSTICE AND THE POSITION OF DOMESTIC JUDICIAL DOCTRINE (the end)

Tolstykh Vladislav

Director, High School of Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow),
doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

* Научное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00998-21-00 от 22.12.2020. Номер темы: FSMW-2020-0030 «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы».

Первая часть статьи была опубликована в 3-м номере журнала за 2021 год.

The article contains a comprehensive review of the participation of Russia in the activities of international courts. The author analyses the court cases with involvement of Russia, starting from the 19th century; characterizes the contribution of Russian politicians, diplomats and lawyers to the formation and development of international courts; comments on individual court decisions and positions of the highest courts of the Russian Federation. Particular attention is paid to the activities of the EAEU Court and its contribution to the development of the Eurasian legal order. The author highlights the main parameters of state policy in the field of the international judicial system: the focus on conciliation procedures; the division of competence to conduct trials between various bodies; the appointment of career diplomats as judges; the politicized attitude towards international courts; the orientation towards «principled resistance», etc. The author characterizes the general state of domestic doctrinal research in the field and examines discussions on specific issues (a role of international courts, normative significance of judgments, appropriateness of dissenting opinions, etc.). On the whole, the Russian doctrine provides answers to most of the acute questions related to international courts and international jurisprudence; moreover, in some cases, it is not limited to compiling or commenting on the positions of Western authors but offers its own solutions. At the same time, there are several systemic problems: a rather narrow group of specialists is interested in these problems; many important judgments rendered in cases involving Russia are not commented on; doctrinal researches are not in demand by state bodies and international courts; Russian doctrine is not a full-fledged participant in Western discourse; a general situation in Russian universities is not conducive to serious research work.

Key words: international law, international justice, international courts, jurisprudence, judicial precedent, legal doctrine

*For citation: Tolstykh V. (2021) Russia's participation in the activities of institutes of international justice and the position of domestic judicial doctrine (the end). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 16–30, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_4_16.*

18. Советская доктрина рассматривала проблемы международного правосудия довольно поверхностно и отрицала саму возможность адекватного судебного урегулирования спора между государствами, представляющими различные экономические системы. Российская доктрина отказалась от этой точки зрения и включилась в обсуждение проблем международного правосудия – как общих, так и частных. Среди отечественных авторов, занимающихся данными проблемами, следует отметить Л. П. Ануфриеву, А. Н. Вылегжанина, В. С. Верещетина, С. В. Глотову, Г. М. Даниленко, А. В. Должикова, С. А. Егорова, Б. Л. Зимненко, А. С. Исполинова, Р. А. Каламкаряна, П. А. Калиниченко, А. И. Ковлера, Я. С. Кожеурова, Н. И. Костенко, Д. В. Красикова, И. А. Ледах, С. Ю. Марочкина, И. С. Марусина, А. Б. Мезяева, Т. Н. Нешатаеву, О. И. Рабцевич, Е. Е. Рафалюк, И. В. Рачкова, В. Н. Русинову, Н. С. Симонову, А. С. Смбатян, А. М. Солнцева, В. Л. Толстых, Е. Н. Трикоз, И. В. Федорова, Г. Г. Шинкарецькую, М. Л. Энттина и др.¹

¹ Основные монографии: Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. М.: РУДН, 2011; Вельяминов Г. М., Вознесенская Н. Н. и др. Механизм решения споров в региональных интеграционных группировках на примере Европейского Союза, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, НАФТА и в ГАТТ / ВТО. М.: Междунар. отношения, 2018; Институты международного правосудия / под ред. В. Л. Толстых. М.: Междунар. отношения, 2014; Исполинов А. С. Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). М.: Юстицинформ, 2018; Каламкарян Р. А. Международный Суд в миропорядке на основе господства права. М.: Наука, 2012; Кривокапич Б. Д. Мирное разрешение международных споров / пер. с серб. В. Симоновой. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2020; Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публичной политики, 2009; Евразийская интеграция: роль суда / под ред. Т. Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015; Смбатян А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М.: Статут, 2012; Толстых В. Л. Международные суды и их практика. М.: Междунар. отношения, 2015; Международное правосудие как фактор интегра-

Некоторые ученые регулярно комментируют судебные решения: А. С. Исполинов – решения Суда ЕАЭС и Суда ЕС¹; А. И. Ковлер – решения ЕСПЧ; И. В. Рачков – решения инвестиционных арбитражей; А. С. Сибатян – решения Суда ЕАЭС и решения органов ВТО; В. Л. Толстых – решения МС ООН и арбитражных судов. В России выходит специализированный журнал «Международное правосудие», издаваемый Институтом права и публичной политики; статьи по данной тематике также регулярно издаются в «Московском журнале международного права», «Российском юридическом журнале» и «Евразийском юридическом журнале».

Главными проблемами, обсуждаемыми отечественными авторами, являются место судов в международном порядке, значение их решений, допустимость судебного активизма, целесообразность особых мнений, принципиальное сопротивление и др. Кроме того, обсуждаются проблемы, касающиеся отдельных судов, прежде всего ЕСПЧ и Суда ЕАЭС. Конкретные судебные решения, в том числе затрагивающие Россию, комментируются редко; исключение – некоторые решения ЕСПЧ, ВТО и Суда ЕАЭС. За последние шесть лет (2015–2020) было защищено 15 диссертаций, посвященных международным судам, из них – одна докторская².

Международное правосудие не стало предметом регулярных научных форумов; большинство конференций по международному праву, таких как Ежегодное собрание Российской ассоциации международного права или «Блищенковские чтения» (РУДН), традиционно посвящены общим вопросам. Исключение – конференции, проводимые под эгидой Суда ЕАЭС, и отдельные инициативы³. Международная судебная практика также не стала обязательным компонентом учебных курсов, в которых по-прежнему делается акцент на нормативном материале в ущерб материалу, связанному с правоприменением. Систематическая работа по переводу международных судебных решений на русский язык не ведется.

19. Общий вопрос о роли международных судов был рассмотрен А. С. Сибатян и А. С. Исполиновым. По мнению А. С. Сибатян, тезис о единстве международного права, выдвигаемый в отечественной науке, не бесспорен: на самом деле уже сам принцип согласия государств лишает утверждение о единстве международного

ции: моногр. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер; предисл. В. М. Лебедева. М.: Норма : Инфра-М, 2019; Шинкаревич Г. Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. М.: ИГП РАН : Nota bene, 2009.

¹ Здесь и далее используются следующие сокращения: Суд ЕС – Суд Европейского союза; Суд ЕАЭС – Суд Евразийского экономического союза; МС ООН – Международный Суд ООН; МУС – Международный уголовный суд; ЕСПЧ – Европейский Суд по правам человека; СБ ООН – Совет Безопасности ООН; ВС – Верховный суд; КС – Конституционный суд; ВКПМД – Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г.; ВТО – Всемирная торговая организация.

² Докторская диссертация – А. С. Исполинова («Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС)», 2018). Кандидатские диссертации: Д. Р. Абгарян («Практика Международного трибунала по морскому праву», 2015); К. А. Повалова («Международно-правовые особенности Специального суда по Сьерра-Леоне», 2016); В. С. Завгороднего («Контрольный механизм Американской конвенции по правам человека», 2016); В. О. Рябовой («Взаимодействие Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека по делам о защите прав человека после Лиссабонского договора», 2016); М. Ф. Хамидовой («Правовые последствия присоединения Таджикистана к Статуту Международного уголовного суда», 2017); Н. М. Лямина («Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека», 2017); Д. В. Пономаревой («Влияние практики Суда Европейского Союза на развитие энергетического права ЕС», 2017); Р. В. Романова («Проблемы доказывания в современном международном уголовном процессе: вопросы теории и практики», 2018); Т. Д. Оганесяна («Процедура пилотного постановления Европейского Суда по правам человека», 2018); А. С. Кудинова («Международно-правовое регулирование организации и деятельности международных следственных комиссий», 2018); С. И. Коваленко («Теоретико-практические аспекты эволюционного толкования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в практике Европейского Суда по правам человека», 2019); Р. И. Ефремовой («Смешанная уголовная юрисдикция в международном праве», 2019); М. И. Гараева («Международные пограничные споры в практике Международного Суда ООН», 2019); Л. А. Хасановой («Взаимоприемлемые решения в механизме разрешения споров ВТО: теория и практика», 2019).

³ Конференция «Международные суды и их взаимодействие с национальными судами» («Тункинские чтения»), организованная в октябре 2011 г. МГУ им. М. В. Ломоносова; конференция «Актуальные проблемы инвестиционного арбитража», организованная в ноябре 2020 г. Министерством экономического развития РФ и МГЮУ им. О. Е. Кутафина, и др.

права основы «в метафизическом и формально-юридическом смысле». Современный феномен фрагментации международного порядка носит естественный характер и вызван дифференциацией и углублением международного сотрудничества, а также горизонтальной природой международно-правовых связей. Фрагментация не подразумевает отсутствия системности международного права и необходимости выработки концепций, способствующих укреплению его целостности. Решающим фактором обеспечения целостности должно стать международное правосудие. Судейское усмотрение является ключевой составляющей его отправления. Судебное разрешение нормативных конфликтов должно быть направлено на установление взаимосвязей и совместимости норм; принципы *lex posterior derogat legi priori* и т. п. эту задачу не решают; решением являются консолидирующие методы толкования¹.

По мнению А. С. Исполинова, пролиферация вызвана желанием государств делегировать судам иные функции, кроме функции рассмотрения споров, такие как право контроля за исполнением государствами обязательств по договору, право контроля актов международных организаций и право устранения пробелов. Конкретный суд создается, когда для государств-учредителей выгоды и преимущества перевешивают возникающие ограничения. Региональные суды выстраивают автономные (*self-containing*) режимы; МС ООН пытается противодействовать фрагментации. Конкуренция судов является прогрессивным явлением и частью стихийно складывающегося международного механизма сдержек и противовесов. Решение суда может быть отменено или не исполнено; в связи с этим принцип *res judicata* не абсолютен; это вызвано возрастанием риска ошибок и вынесения неприемлемых для государств решений. Главным критерием успеха международного суда является готовность государств и национальных судов с ним сотрудничать (в том числе исполнять его решения)².

Общее впечатление состоит в том, что у обоих авторов есть оригинальный взгляд на международное право, который отражается в каждом отдельном выводе, но, к сожалению, не формулируется как исходный методологический принцип. Концепция А. С. Смбастьян, как представляется, близка к идеализму И. Канта; по ее мнению, существуют общие ценности международного порядка, которые призваны защищать международные суды в качестве органов всемирной конфедерации народов; ограничивая волю государств, они выполняют поручение последних, оформляемое в рамках глобального общественного договора. Концепция А. С. Исполинова близка к скептицизму Г. Моргентау: основным фактором, определяющим деятельность международных судов, является политический интерес государств, а основная задача судов состоит в учете этого интереса. В случае противоречия между данным интересом и правом первый должен превалировать. Поскольку интересы государств различаются, суды должны маневрировать и учитывать множество разных факторов. Ценность такого взаимодействия состоит в том, что субъекты международного порядка контролируют друг друга, – по-видимому, как и в либеральной экономической теории, их своекорыстные действия агрегируются «невидимой рукой» и в конечном счете служат общему благу.

Истина, возможно, находится где-то посередине. Современная ситуация характеризуется разрушением традиционной системы легитимации международного права. Государственная воля, защищаемая принципом суверенного равенства, утрачивает значение под натиском внешних ценностных систем (либерализма, наднациональности и др.). Суды, с одной стороны, действительно, зависят от своих учредителей – государств – и пытаются действовать в их интересах; с другой стороны, они восполняют недостаток легитимности международного права, защищая указанные внешние системы. Таким образом, они не только примиряют государства и восстанавливают консенсус, но и выражают новую альтернативную волю; в этом смысле их активизм – не только консолидирующий, но и дезинтегрирующий фактор.

¹ Смбастьян А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публично-го права.

² Исполинов А. С. Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС).

20. Отношение отечественной доктрины к нормотворческой роли международных судов значительно изменилось по сравнению с советским периодом¹: большинство авторов признают важную роль международных судов в формировании международного права, подчеркивая, однако, право контроля над этой деятельностью со стороны государств². Так, по мнению М. Л. Энтина и Е. Г. Энтиной, судебное нормотворчество необходимо, когда законодатель не успевает за ходом перемен и нуждается в «подсказке» судов. Судебный активизм в этом смысле является реакцией на запрос государств, за которыми и остается последнее слово³. С точки зрения А. Я. Капустина, государство не может обязываться вопреки его воли и связываться противоречащим этой воле судебным прецедентом. Неограниченная свобода «прецедентотворчества» способна породить межсудебную конкуренцию, которая парализует деятельность международных судов. Признавая юрисдикцию международного суда, государства сохраняют «подразумеваемое право» отказаться от соблюдения таких результатов толкования, которые будут представлять собой злоупотребления полномочиями, *ultra vires* и т. п.⁴ А. С. Исполинов пишет, что прецедент в международном праве существует *de facto*, но не *de jure*; такая ситуация вполне устраивает государства, которые хотят оставаться основными создателями норм, но при этом используют данную двойственность в своих интересах и, в частности, могут отказаться от исполнения тех решений, которые их не устраивают⁵.

По мнению А. С. Смбалян, некоторые решения судов обладают свойством нормативности, более того, такая нормативность является условием эффективности правосудия. Проблема признания судебных решений источниками права носит сугубо теоретический характер, будучи положительно решенной на практике. Одновременно автор отрицательно относится к концепции *stare decisis*, отдавая приоритет более мягким формам воздействия, основанным на силе аргумента и авторитете суда. Таким образом, судебное нормотворчество представляется как объективная реакция системы на возникающие проблемы и одновременно как своего рода «языковая игра»⁶. В. Л. Толстых, выделяя пять обоснований судебного нормотворчества (уточнение обычая, завершение формирования обычая, делегирование нормотворческих полномочий государствами, наличие имманентных полномочий, абстрактность норм международного права и необходимость их адаптации к обстоятельствам конкретного дела), солидаризируется с последним (т. е., по сути, также придерживается концепции «языковой игры»)⁷.

21. Отечественная доктрина не сформулировала общую позицию в отношении линии на «принципиальное сопротивление», проводимой КС РФ и в конечном счете закрепленной в ст. 79 Конституции. Часть авторов во главе с В. Д. Зорькиным поддержали эту линию, выдвинув две группы аргументов. К числу первых, критикующих активистские практики ЕСПЧ, относятся: 1) эволюционное толкование Конвенции; 2) универсализация правовых категорий (создание системы автономных значений);

¹ По словам Г. Г. Шинкарецькой, советская наука традиционно абстрагировалась от этой проблемы, удовлетворившись тезисом Г. И. Тункина: «Решения Международного суда входят в процесс нормообразования как часть международной практики в том, что касается констатации наличия норм международного права или их толкования» (Шинкарецькая Г. Г. Международные суды и развитие международного права // *Международное право*. 2014. № 4. С. 142).

² Анализ позиций современных российских авторов см.: Копылов М. Н., Копылов С. М. Инновационное влияние решений международных судебных учреждений на прогрессивное развитие международного права или к вопросу об их прецедентном характере // *Юстиция*. 2014. № 1. С. 1–9.

³ Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Востребованность и пределы судебного нормотворчества // *Право и управление*. XXI век. 2016. № 3. С. 12–20.

⁴ Капустин А. Я. Международные суды: тенденции развития и влияние на национальные правовые системы // *Государство и право*. 2018. № 7. С. 128–129.

⁵ Исполинов А. С. Прецедент в международном праве (на примере Международного Суда ООН, ЕСПЧ, ВТО и Суда ЕАЭС) // *Законодательство*. 2017. № 1. С. 78–87.

⁶ «Разрешение конкретной ситуации не всегда может быть напрямую выведено из абстрактной правовой нормы либо принципа посредством применения логических методов, например, дедукции. В этой связи в международном правосудии высока роль судейского усмотрения» (Смбалян А. С. Решения органов международного правосудия и их роль в укреплении международного правопорядка: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 228).

⁷ Толстых В. Л. Международные суды и их практика. С. 90–96.

3) использование концепции «подразумеваемых прав»; 4) использование концепции позитивных обязательств, серьезно обременяющих государства; 5) экстерриториальное применение Конвенции; 6) отступления от сложившейся практики; 7) выход за пределы заявления; 8) принятие пилотных решений, указывающих меры общего характера; 9) ссылки на европейский консенсус; 10) ограничительное толкование свободы усмотрения; 11) нежелание учитывать внутренний контекст; 12) политизация решений и применение двойных стандартов; 13) нарушение правил толкования, закрепленных в ст. 31 ВКПМД. Вторые представляют собой инструменты публичного порядка, т. е. обосновывают право внутреннего суда на отказ от имплементации дисквалифицированных решений ЕСПЧ. К ним относятся: 1) формальный приоритет Конституции и статус Конвенции как части внутренней правовой системы; 2) обязанность внутреннего суда защищать «конституционную идентичность»; 3) высокий уровень защиты прав во внутреннем праве; 4) наличие «права на возражение» и права на диалог с ЕСПЧ; 5) необходимость предупреждения более серьезных конфликтов с ЕСПЧ; 6) необходимость учета внутреннего контекста; 7) свобода выбора способа исполнения международного обязательства; 8) наличие обстоятельств, препятствующих исполнению решений ЕСПЧ (*force majeure*). Часть этих аргументов была отражена в постановлении КС от 14 июля 2015 г.¹

Другая группа авторов, наоборот, подвергли позицию КС критике. Так, по мнению С. Ю. Марочкина, утверждение о высшей силе постановлений КС является подменной понятий: по сути, речь идет о недопустимом приравнивании Конституции и ее толкования Судом. Постановление от 14 июля 2015 г. не содержит последовательной аргументации и представляет собой проверку вступившего в силу договора (т. е. выход за пределы компетенции КС). В данном акте Суд исказил смысл ст. 46 ВКПМД, отошел от своей предшествующей практики и практики ВС РФ. Постановление «построено на ущербной и ложной идее противопоставления национального суверенитета и международного права, международных институтов, которая позволяет заявлять об „ущемлении суверенитета“ в любом удобном случае». Оно не соответствует Федеральному закону от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», который установил признание обязательной юрисдикции ЕСПЧ. Новый этап развития отношения к данной Конвенции – «движение от международного правосудия и от интеграции»².

А. Бланкенгагель и И. Г. Левин пишут, что в постановлении от 14 июля 2015 г. КС, с одной стороны, использует не всегда убедительные аргументы (например, по вопросу суверенитета), забывает об особенностях Конституции РФ и собственной судебной практики прошедших лет (по ч. 1 ст. 17) и не объясняет значение ст. 46 ВКПМД в вопросе ограничения обязательной силы решений ЕСПЧ. С другой стороны, Суд нередко опирается на достаточно размытые термины, тем самым создавая негативную и в свете сложной политической ситуации недопустимую неопределенность по вопросу исполнения решений ЕСПЧ³. Критике подвергаются также позиции КС в отношении конкретных решений ЕСПЧ; так, Д. В. Красиков, говоря о постановлении КС от 19 апреля 2016 г. (по делу «Анчугов и Гладков»), отмечает, что «возражение» КС в адрес

¹ Зорькин В. Д. Россия и Страсбург. Проблемы реализации Конвенции о правах человека // Российская газета. 2015. 22 окт.; Князев С. Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 5–17; Грачева С. А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Там же. 2018. № 9. С. 52–64; Филатова М. А. Конфликты конституционных и наднациональных норм: способы преодоления (на примере Европейского Союза и правовых систем государств-членов ЕС) // Международное правосудие. 2013. № 4. С. 94–106; Будылин С. Л. Конвенция или Конституция? Международное право и пределы государственного суверенитета // Закон. 2013. № 12. С. 64–80; Ковлер А. И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. М.: Статут, 2015. С. 19–65.

² Марочкин С. Ю. Европейский Суд по правам человека и Конституционный Суд России двадцать лет спустя: в будущее назад? // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 9–21.

³ Бланкенгагель А., Левин И. Г. В принципе нельзя, но можно! Конституционный Суд России и дело об обязательности решений Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5. С. 152–162.

ЕСПЧ «характеризуется неопределенностью относительно критериев имплементации практики ЕСПЧ в условиях российской правовой системы»¹.

Методологический анализ «принципиального сопротивления» был проведен В. Л. Толстых. Автор, в частности, пишет, что данная политика выполняет несколько полезных функций. Корректируя активистскую практику ЕСПЧ, она обеспечивает решение конкретных политических и юридических проблем, защищает внутренний порядок от разрушительных интервенций, обогащает доктрину и судебную практику новыми концепциями и методиками, создает условия для судебного диалога, способствует выработке новых, более точных и грамотных подходов. Обратная сторона медали, тем не менее, также присутствует. Оставляя «последнее слово» за внутренними судами, «принципиальное сопротивление» подрывает сложившийся баланс между международным и внутренними порядками. Нарращивая риторический арсенал, оно, по сути, обесценивает его: судебная практика и обслуживающая ее доктрина становятся схоластической игрой, изолированной от реальности и действительных потребностей людей. Подвергая сомнению некогда сакральные ценности прав человека и международного правосудия, оно отражает общий исторический процесс саморазрушения существующего строя и фундирующих его либеральных теорий, отдельные элементы которых вступают в противоречие друг с другом².

Характеризуя ст. 79 Конституции РФ, А. С. Исполинов отмечает отсутствие такого четко прописанного основания для конституционного контроля решений международных судов, как права человека, закрепленные в Конституции. Об этом можно говорить с сожалением, поскольку данное основание активно используется конституционными судами других стран и уже применялось ранее самим КС РФ. В любом случае вектор обозначен: Россия не отказывается от приоритета международного права и не переходит к дуализму, а формулирует условия для такого приоритета, следуя в этом отношении практике многих других государств. Для самого КС РФ новые полномочия означают санкцию на постоянное и активное участие в судебном диалоге международных и высших национальных судов, который нужно рассматривать как часть механизма сдержек и противовесов, складывающегося в международном порядке. Отказ от исполнения решения того или иного международного суда следует расценивать как одну из форм такого диалога, равно как и проведение законодателем или конституционными судами «красных линий»³.

22. Отечественная доктрина вовлечена в обсуждение специальных проблем, затрагивающих деятельность Суда ЕАЭС; в данном обсуждении активно участвуют его судьи, прежде всего Ж. Н. Баишев, Т. Н. Нешатаева, В. Х. Сейтимова и К. Л. Чайка⁴. Примером может служить дискуссия по поводу практики удовлетворения Судом ЕАЭС ходатайств об отзыве запросов о толковании, направленных на поздних стадиях процесса. Данная практика позволяет государствам снимать с рассмотрения Суда вопросы, ответ на которые будет для них неблагоприятен. Суд сталкивался с этой проблемой несколько раз. В одном из первых дел он отказал Высшему хозяйственному суду Белоруссии в удовлетворении ходатайства, сославшись на интересы процессуальной экономики, уже проделанную работу и др. (постановление от 20 мая 2013 г.)⁵.

¹ Красиков Д. В. Конвенционно-конституционные коллизии и иллюзии: что лежит в основе «возражения» Конституционного Суда России в адрес Европейского Суда по правам человека? // Международное правосудие. 2016. № 3. С. 101. См. также: Вайпан Г. Трудно быть богом: Конституционный Суд России и его первое дело о возможности исполнения постановления ЕСПЧ // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4. С. 107–124.

² Толстых В. Л. «Принципиальное сопротивление» решениям Европейского Суда по правам человека в свете критической теории // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 86–87.

³ Исполинов А. С. Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности решений международных судов и арбитражей // Закон. 2020. № 12. С. 61–73.

⁴ Баишев Ж. Н. Суд Евразийского Экономического Союза: проблемы функционирования // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 1. С. 57–75.

⁵ Комментируя данное дело, А. С. Исполинов назвал подход Суда «безапелляционным, если не сказать унижающим, национальный суд» и предсказал растущую изоляцию Суда (Исполинов А. С. Навязанный монолог: первое преюдициальное заключение Суда ЕврАзЭС // Евразийский юридический журнал. 2013. № 8. С. 29–30). Данные предсказания сбылись: новый Статут лишил Суд полномочий по преюдициальному толкованию и запретил любые проявления активизма, а в новый Регламент был включен п. 1 ст. 76, разрешающий отзыв запроса в любое время до принятия заключения.

В деле о разъяснении Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин Суд, наоборот, удовлетворил ходатайство Казахстана об отзыве (постановление от 17 января 2018 г.). В настоящее время по данному вопросу сформулированы три позиции.

Позиция Т. Н. Нешатаевой изложена в особом мнении к постановлению от 17 января 2018 г. С ее точки зрения, в международной практике существует «общая линия», согласно которой отзыв заявления не допускается, если заявителю известен проект решения; это объясняется тем, что Суд функционирует на деньги налогоплательщиков, которые должны расходоваться эффективно, а время и усилия Суда, затраченные на подготовительную работу и составление проекта акта, заслуживают уважения. Прекращение дела на поздней стадии чревато нарушением принципов независимости, беспристрастности и самостоятельности Суда. Существует опасность того, что проекты решений станут известны заявителям «по недосмотру» кого-либо в Суде; такой «недосмотр» является правонарушением против правосудия. Суд должен найти способ решения этой проблемы и добиться изменения Статута¹.

По мнению А. И. Исполинова, ссылка на проделанную работу противоречит принципам правосудия. Отзыв заявления относится к исключительному усмотрению заявителя; это подтверждается примерами из практики Суда ЕС, в частности решением от 16 октября 2008 г. по делу *Cartesio Oktató*. Идея уважительного и равноправного диалога между Судом ЕС и национальными судами предполагает право последних отозвать свой запрос².

В. Л. Толстых подвергает критике обе позиции и пишет, что критерием решения вопроса должна служить функция Суда ЕАЭС (обеспечение единообразного применения права ЕАЭС); иными словами, если Суд ЕАЭС сочтет, что проблема, поставленная государством, имеет общий характер (т. е. связана с единообразным применением), он должен отказать в принятии отзыва. Аналогией здесь является не исковое производство в гражданском процессе, а дела публичного обвинения в уголовном процессе. Такой подход мог бы снять напряженность в данном вопросе, в настоящее время, однако, он исключен п. 1 ст. 76 Регламента³. Схожей точки зрения придерживаются К. Л. Чайка и А. Н. Савенков⁴. Данная позиция, в свою очередь, была подвергнута критике Ж. Н. Баишевым, отметившим нечеткость критерия наличия публичных интересов⁵.

Другой пример – дискуссия о целесообразности особых мнений, обострившаяся в контексте практики Суда ЕАЭС. Т. Н. Нешатаева положительно отзывается о данном институте: «Институт особого мнения помогает формализовать различные подходы. Если судьями предлагаются несколько правовых конструкций, то это лучше для будущего развития права»⁶. В. Л. Толстых также положительно относится к данному институту; отмечая нерелевантность некоторых особых мнений в практике Суда ЕАЭС, он пишет, что решение данной проблемы лежит скорее в этической и организационной, нежели в правовой плоскости⁷. Аналогично В. Х. Сейтимова указывает, что особые мнения не должны становиться источником конфликта и фрагментации права, но ими следует пользоваться исключительно в рамках судебной функции и с особой ответственностью⁸. Более критическую позицию занимает А. С. Исполинов, по мнению которого, «особые мнения могут самым ощутимым образом сказаться на целост-

¹ Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. от 17 января 2018 года (дело № СЕ-2-1/3-17-БК) // Бюллетень Суда Евразийского экономического союза. 2018 год. URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/a73/a7354cf5f6927f408a055a2a53f3ef42.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

² Исполинов А. С. Особые мнения в международных судах: доктрина и практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 229–231.

³ Толстых В. Л. От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2018. № 3. С. 66–76.

⁴ Чайка К. Л., Савенков А. Н. Проблемные вопросы в практике Суда ЕАЭС // Государство и право. 2018. № 10. С. 17–18.

⁵ Баишев Ж. Н. Указ. соч. С. 64.

⁶ Т. Н. Нешатаева: Суд Евразийского экономического союза в действии // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9. С. 12.

⁷ Толстых В. Л. От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда ЕАЭС. С. 66.

⁸ Сейтимова В. Х. Институт особого мнения: диалектика интеграционных процессов в практике Суда ЕАЭС // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3. С. 69–73.

ности, легитимности и коллегиальности международного суда, поэтому их использование должно быть ограничено вплоть до запрета, либо они должны использоваться очень осторожно»¹.

Весьма перспективная для обсуждения тема была обозначена в одной из статей К. Л. Чайки. По его мнению, опыт ЕС показывает, что кодификация прав человека, система судебного пересмотра актов интеграционного объединения и присущие его праву свойства верховенства, прямого действия и непосредственного применения свидетельствуют о конституционализации правопорядка ЕС. Данная тенденция распространяется и на порядок ЕАЭС. Одним из следствий конституционализации является использование модели конституционного плюрализма, в рамках которой отношения конституционных судов и суда интеграционного строятся на взаимном уважении, что предполагает обязанность мотивировать решения в контексте союзного порядка².

23. Проблемы международного уголовного правосудия также пользуются вниманием со стороны отечественных ученых; при этом, помимо комментирующих и систематизирующих работ, имеется ряд серьезных критических исследований. Так, в своем диссертационном исследовании А. Б. Мезяев констатирует следующие проблемы: наличие норм, принятых самими уголовными судами и не признанных большинством государств (например, норм о «сделке с правосудием»); отсутствие ответственности уголовных судов за совершаемые ими нарушения прав обвиняемых; превышение СБ ООН своих полномочий при создании трибуналов по Югославии и Руанде; недостаток независимости и беспристрастности уголовных судов; наличие в нормативных актах уголовных судов положений, препятствующих обеспечению права обвиняемого на оперативное рассмотрение дела; нарушение права на личную защиту (в делах С. Милошевича и В. Шешеля); неэффективность организационных гарантий права на обжалование. В целом обвиняемые уголовных судов «оказались в некоей „теневой зоне“ современного международного права, в которой в отношении них не действуют нормы универсальных и региональных международных договоров»; для решения этой проблемы им нужно предоставить право направлять жалобы на нарушения их прав в действующие международные органы по правам человека³.

Г. А. Нелаева, Н. В. Сидорова и Е. А. Хабарова признают наличие системного кризиса уголовной юстиции («кризиса легитимности») и возможным выходом из ситуации считают принятие единого кодекса уголовно-процессуальных правил⁴. А. С. Исполинов рассматривает решение Палаты предварительного производства МУС от 12 апреля 2019 г. об отказе Прокурору в санкции на начало предварительного следствия в отношении преступлений, совершенных в Афганистане после 2003 г., и делает вывод о «гибели мечты нескольких поколений юристов»⁵.

24. Относительно новая для российской доктрины проблема – (не)добросовестность международных судей; стимулом для ее обсуждения стала планируемая реформа инвестиционного арбитража. С. Очирова делает вывод об отсутствии одинаковых стандартов независимости и беспристрастности судей и арбитров; в отношении судей должен использоваться тест «разумного опасения» с самым низким стандартом доказывания и оценкой предвзятости со стороны разумного наблюдателя; в отношении арбитров должен использоваться тест «реальной опасности» с самым высоким стандартом доказывания и оценкой предвзятости со стороны профессионала⁶.

¹ Исполинов А. С. Особые мнения в международных судах: доктрина и практика. С. 229–231.

² Чайка К. Л. Конституционализация интеграционных правопорядков как феномен международного права? // Международное правосудие. 2020. № 1. С. 67–78.

³ Мезяев А. Б. Права обвиняемого в современном международном уголовном процессе: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.

⁴ Нелаева Г. А., Сидорова Н. В., Хабарова Е. А. Международное правосудие как предмет оспаривания: кризис международных уголовных судов? // Международное правосудие. 2019. № 2. С. 93–106.

⁵ Исполинов А. С. Решение Международного Уголовного Суда по Афганистану: как погибала мечта // Zakon.ru. 2019. 11 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2019/6/11/reshenie_mezhdunarodnogo_ugolovnogo_suda_po_afganistanu_kak_pogibala_mechta (дата обращения: 07.09.2021).

⁶ Очирова С. Б. Непредвзятость арбитров в международном коммерческом арбитраже: подходы к оценке // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 122–137.

Е. В. Биллебру исследует вопрос о влиянии гражданства и образа мышления на выбор арбитра и предлагает формализовать стандарт «международного мышления» в сфере международного коммерческого арбитража¹.

В. Л. Толстых анализирует формы недобросовестности международных судей и формы противодействия ей; среди последних наиболее эффективной видится закрепление новых процессуальных и материально-правовых концепций, например концепции презумпции виновности судей, концепции международного судебного решения как соглашения *sui generis* и т. д. Автор также фиксирует факторы, стимулирующие недобросовестность: имеющие отношение к общим недостаткам международного права; связанные с его зависимостью от политической конъюнктуры; касающиеся процессов, происходящих внутри судейской корпорации; и наконец, касающиеся перехода цивилизации к стадии постмодерна, предполагающего недоверие в отношении метанарративов. Последняя тенденция определяется как общая, объективная и закономерная; кризис международного правосудия в связи с этим является лишь одним из аспектов общего кризиса права и одновременно одним из его свидетельств².

25. Планируемая реформа инвестарбитража пока еще не вызвала широкой дискуссии; тем не менее некоторые позиции уже обозначены. Так, по мнению С. Д. Пименовой, ценность проекта постоянного суда серьезно снижается за счет не менее очевидных минусов (несовместимость постоянного суда с Вашингтонской конвенцией 1965 г.; отсутствие механизмов исполнения его решений и др.). Будущее, вероятно, состоит в параллельном существовании новых механизмов разрешения инвестиционных споров и традиционного инвестарбитража (в соглашениях между странами, не входящими в ЕС)³. С более критических позиций выступил А. С. Исполинов, охарактеризовавший приведенные Россией доводы против постоянного суда как неубедительные, не соответствующие современным реалиям и не разделяемые абсолютным большинством других государств⁴.

И. В. Рачков делает вывод, что без всеобъемлющего пакета, который отдает должное как материально-правовому содержанию международных договоров об инвестициях, так и урегулированию споров между инвестором и государством, «любая попытка реформы рискует достичь только частичных изменений и потенциально создать новые формы фрагментарности и неопределенности в международном инвестиционном праве»; в связи с этим реформу процедур урегулирования следует воспринимать только как часть широкой реформы международного инвестиционного права⁵.

26. В целом российская доктрина дает ответы на большинство злободневных вопросов, поставленных в рамках проблематики международного правосудия; при этом в ряде случаев она не ограничивается компиляцией или комментированием позиций западных авторов, но предлагает собственные оригинальные решения. Позитивную роль в этом плане играет деятельность Суда ЕАЭС, создающего для отечественной доктрины собственную эмпирическую базу. Одновременно существует несколько системных проблем: вопросами международного правосудия интересуется довольно узкая группа специалистов; многие важные решения, вынесенные по делам с участием России, не комментируются; доктринальные разработки не востребованы государственными органами и международными судами; российская доктрина

¹ Биллебру Е. В. Новые подходы к оценке нейтральности арбитров в международном коммерческом арбитраже // Международное правосудие. 2016. № 4. С. 42–53.

² Толстых В. Л. Проблема *bona fide* в деятельности международных судей // Международное правосудие. 2021. № 1. С. 57–80.

³ Пименова С. Д. Реформа инвестиционного арбитража глазами Европейского Союза: проблемы и перспективы // Международное правосудие. 2018. № 4. С. 113–125.

⁴ Исполинов А. С. Закат инвестиционного арбитража: Рабочая группа ЮНСИТРАЛ и гулкое одиночество России // Zakon.ru. 2020. 10 нояб. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/10/zakat_investicionnogo_arbitrazha_rabochaya_gruppa_yunsitral_i_gulkoe_odinochestvo_rossii (дата обращения: 07.09.2021). О позиции России см. также: Соловьева А. В. Новые подходы к реформе инвестиционного арбитража // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 27–39.

⁵ Рачков И. В. Реформа международно-правового урегулирования споров между иностранными инвесторами и государствами // Международное правосудие. 2016. № 3. С. 136.

не является полноправным участником западного дискурса международного права; общая ситуация в российских университетах не способствует серьезной исследовательской работе.

Международные суды являются важным инструментом защиты интересов общества, государства и отдельных лиц; динамика их развития во многом определяет общую динамику развития международного права. Отечественная доктрина (а также доктрина других евразийских стран), в свою очередь, обладает достаточно большим исследовательским потенциалом, который может и должен быть реализован применительно к данному институту.

Список литературы

Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. М.: РУДН, 2011. 308 с.

Баишев Ж. Н. Суд Евразийского Экономического Союза: проблемы функционирования // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 1. С. 57–75.

Биллебру Е. В. Новые подходы к оценке нейтральности арбитров в международном коммерческом арбитраже // Международное правосудие. 2016. № 4. С. 42–53.

Бланкенгель А., Левин И. Г. В принципе нельзя, но можно! Конституционный Суд России и дело об обязательности решений Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5. С. 152–162.

Будылин С. Л. Конвенция или Конституция? Международное право и пределы государственного суверенитета // Закон. 2013. № 12. С. 64–80.

Вайпан Г. Трудно быть богом: Конституционный Суд России и его первое дело о возможности исполнения постановления ЕСПЧ // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4. С. 107–124.

Вельяминов Г. М., Вознесенская Н. Н. и др. Механизм решения споров в региональных интеграционных группировках на примере Европейского Союза, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, НАФТА и в ГАТТ / ВТО. М.: Междунар. отношения, 2018. 406 с.

Грачева С. А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 52–64.

Евразийская интеграция: роль суда / под ред. Т. Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015. 304 с.

Зорькин В. Д. Россия и Страсбург. Проблемы реализации Конвенции о правах человека // Российская газета. 2015. 22 окт.

Институты международного правосудия / под ред. В. Л. Толстых. М.: Междунар. отношения, 2014. 504 с.

Исполинов А. С. Закат инвестиционного арбитража: Рабочая группа ЮНСИТРАЛ и гулкое одиночество России // Zakon.ru. 2020. 10 нояб. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/10/zakat_investicionnogo_arbitrazha_rabochaya_gruppa_yunsitral_i_gulkoie_odinochestvo_rossii (дата обращения: 07.09.2021).

Исполинов А. С. Навязанный монолог: первое преюдициальное заключение Суда ЕврАзЭС // Евразийский юридический журнал. 2013. № 8. С. 21–30.

Исполинов А. С. Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности решений международных судов и арбитражей // Закон. 2020. № 12. С. 61–73.

Исполинов А. С. Особые мнения в международных судах: доктрина и практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 229–231.

Исполинов А. С. Прецедент в международном праве (на примере Международного Суда ООН, ЕСПЧ, ВТО и Суда ЕАЭС) // Законодательство. 2017. № 1. С. 78–87.

Исполинов А. С. Решение Международного Уголовного Суда по Афганистану: как погибала мечта // Zakon.ru. 2019. 11 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2019/6/11/reshenie_mezhdunarodnogo_ugolovnogo_suda_po_afganistanu_kak_pogibala_mechta (дата обращения: 07.09.2021).

Исполинов А. С. Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). М.: Юстицинформ, 2018. 311 с.

Каламкарян Р. А. Международный Суд в миропорядке на основе господства права. М.: Наука, 2012. 307 с.

Капустин А. Я. Международные суды: тенденции развития и влияние на национальные правовые системы // Государство и право. 2018. № 7. С. 120–132.

Князев С. Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 5–17.

Ковлер А. И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. М.: Статут, 2015. С. 19–65.

Копылов М. Н., Копылов С. М. Инновационное влияние решений международных судебных учреждений на прогрессивное развитие международного права или к вопросу об их прецедентном характере // Юстиция. 2014. № 1. С. 1–9.

Красиков Д. В. Конвенционно-конституционные коллизии и иллюзии: что лежит в основе «возражения» Конституционного Суда России в адрес Европейского Суда по правам человека? // Международное правосудие. 2016. № 3. С. 101–117.

Кривокапич Б. Д. Мирное разрешение международных споров / пер. с серб. В. Симоновой. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2020. 592 с.

Марочкин С. Ю. Европейский Суд по правам человека и Конституционный Суд России двадцать лет спустя: в будущее назад? // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 9–21.

Международное правосудие как фактор интеграции: моногр. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер; предисл. В. М. Лебедева. М.: Норма : Инфра-М, 2019. 192 с.

Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. 749 с.

Мезяев А. Б. Права обвиняемого в современном международном уголовном процессе: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 68 с.

Нелаева Г. А., Сидорова Н. В., Хабарова Е. А. Международное правосудие как предмет оспаривания: кризис международных уголовных судов? // Международное правосудие. 2019. № 2. С. 93–106.

Очирова С. Б. Непредвзятость арбитров в международном коммерческом арбитраже: подходы к оценке // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 122–137.

Пименова С. Д. Реформа инвестиционного арбитража глазами Европейского Союза: проблемы и перспективы // Международное правосудие. 2018. № 4. С. 113–125.

Рачков И. В. Реформа международно-правового урегулирования споров между иностранными инвесторами и государствами // Международное правосудие. 2016. № 3. С. 118–136.

Сейтимова В. Х. Институт особого мнения: диалектика интеграционных процессов в практике Суда ЕАЭС // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3. С. 69–73.

Смбатян А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М.: Статут, 2012. 270 с.

Смбатян А. С. Решения органов международного правосудия и их роль в укреплении международного правопорядка: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 520 с.

Соловьева А. В. Новые подходы к реформе инвестиционного арбитража // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 27–39.

Т. Н. Нешатаева: Суд Евразийского экономического союза в действии // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9. С. 11–14.

Толстых В. Л. Проблема *bona fide* в деятельности международных судей // Международное правосудие. 2021. № 1. С. 57–80.

Толстых В. Л. «Принципиальное сопротивление» решениям Европейского Суда по правам человека в свете критической теории // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 79–89.

Толстых В. Л. Международные суды и их практика. М.: Междунар. отношения, 2015. 504 с.

Толстых В. Л. От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2018. № 3. С. 66–76.

Филатова М. А. Конфликты конституционных и наднациональных норм: способы преодоления (на примере Европейского Союза и правовых систем государств-членов ЕС) // Международное правосудие. 2013. № 4. С. 94–106.

Чайка К. Л. Конституционализация интеграционных правопорядков как феномен международного права? // Международное правосудие. 2020. № 1. С. 67–78.

Чайка К. Л., Савенков А. Н. Проблемные вопросы в практике Суда ЕАЭС // Государство и право. 2018. № 10. С. 5–22.

Шинкарецкая Г. Г. Международные суды и развитие международного права // Международное право. 2014. № 4. С. 141–167.

Шинкарецкая Г. Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. М.: ИГП РАН : Nota bene, 2009. 250 с.

Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Востребованность и пределы судебного нормотворчества // Право и управление. XXI век. 2016. № 3. С. 12–20.

References

Abashidze A. Kh., Solntsev A. M. (2011) *Mirnoe razreshenie mezhdunarodnykh sporov: sovremennye problemy* [Peaceful resolution of international disputes: modern problems]. Moscow, RUDN, 308 p.

Baishev Zh. N. (2019) Sud Evraziiskogo Ekonomicheskogo Soyuz: problemy funktsionirovaniya [Court of the Eurasian Economic Union: challenges of functioning]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, no. 1, pp. 57–75.

Billebru E. V. (2016) *Novye podkhody k otsenke neutral'nosti arbitrov v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe* [New approaches to the neutrality of arbitrators in international commercial arbitration]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 42–53.

Blankenagel' A., Levin I. G. (2015) *V printsipe nel'zya, no možhno! Konstitutsionnyi Sud Rossii i delo ob obyazatel'nosti reshenii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka* [In principle, no... but yes, it is possible! The Russian Constitutional Court and the binding power of decisions of the European Court of Human Rights]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 5, pp. 152–162.

Bogush G. I., Trikoz E. N. (2009) *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravosudie: sovremennye problemy* [International criminal justice: modern problems]. Moscow, Institut prava i publichnoi politiki, 749 p.

Budylin S. L. (2013) *Konventsia ili Konstitutsiya? Mezhdunarodnoe pravo i predely gosudarstvennogo suvereniteta* [Convention or Constitution? International law and limits of state sovereignty]. In *Zakon*, no. 12, pp. 64–80.

Chaika K. L. (2020) *Konstitutsionalizatsiya integratsionnykh pravoporyadkov kak fenomen mezhdunarodnogo prava?* [Constitutionalization of integration law and order as a phenomenon of international law?]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 1, pp. 67–78.

Chaika K. L., Savenkov A. N. (2018) *Problemnye voprosy v praktike Suda EAES* [Problem issues in the practice of the Eurasian Economic Union Court]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 10, pp. 5–22.

Entin M. L., Entina E. G. (2016) *Vostrebovannost' i predely sudebnogo normotvorchestva* [Relevance and limits of judicial rulemaking]. In *Pravo i upravlenie. XXI vek*, no. 3, pp. 12–20.

Filatova M. A. (2013) *Konflikty konstitutsionnykh i nadnatsional'nykh norm: sposoby preodoleniya (na primere Evropeiskogo Soyuzha i pravovykh sistem gosudarstv-chlenov ES)* [Relationship between constitutional and supranational law: ways to resolve the conflict (example of European Union and national legal systems in EU Member States)]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 94–106.

Gracheva S. A. (2018) *Razvitie kontsepta konstitutsionnoi identichnosti v svyazi s poiskom podkhodov k razresheniyu konventsionno-konstitutsionnykh kollizii i konfliktov* [Development of concept of constitutional identity in connection with the search for approaches to resolving of collisions of constitutional regulators and law of the European Convention of Human Rights]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 9, pp. 52–64.

Ispolinov A. S. (2013) *Navyazannyi monolog: pervoe preyditsial'noe zaklyuchenie Suda EvrAzES* [An imposed monologue: the first preliminary ruling of the Court of the Eurasian Economic Community]. In *EvrAziiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 8, pp. 21–30.

Ispolinov A. S. (2017) *Pretsedent v mezhdunarodnom prave (na primere Mezhdunarodnogo Suda OON, ESPCh, VTO i Suda EAES)* [Precedent in international law: work of International Court of Justice, European Court of Human Rights, Dispute Settlement Body WTO, The Court of the Eurasian Economic Union]. In *Zakonodatel'stvo*, no. 1, pp. 78–87.

Ispolinov A. S. (2018) *Osobyie mneniya v mezhdunarodnykh sudakh: doktrina i praktika* [Dissenting opinions at international courts: doctrine and practice]. In *Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*, no. 1, pp. 229–231.

Ispolinov A. S. (2018) *Sudy regional'nykh integratsionnykh ob"edinenii v mezhdunarodnom pravosudii (na primere Suda ES i Suda EAES)* [Courts of regional integration associations in international justice (on the example of the EU Court and the EAEU Court)]. Moscow, Yustitsinform, 311 p.

Ispolinov A. S. (2019) *Reshenie Mezhdunarodnogo Ugolovnogo Suda po Afganistanu: kak pogibala mechta* [Decision of the ICC on Afghanistan: how the dream perished]. In *Zakon.ru*, June 11, available at: https://zakon.ru/blog/2019/6/11/reshenie_mezhdunarodnogo_ugolovnogo_suda_po_afganistanu_kak_pogibala_mechta (accessed: 07.09.2021).

Ispolinov A. S. (2020) *Novye polnomochiya Konstitutsionnogo Suda RF po proverke konstitutsionnosti reshenii mezhdunarodnykh sudov i arbitrazhei* [New powers of the Russian Constitutional Court to review the constitutionality of decisions of international courts and arbitration tribunals]. In *Zakon*, no. 12, pp. 61–73.

Ispolinov A. S. (2020) *Zakat investitsionnogo arbitrazha: Rabochaya gruppa YuNSITRAL i gulcoe odinochestvo Rossii* [Decline of investment arbitration: UNCITRAL Working Group and the echoing loneliness of Russia]. In *Zakon.ru*, 10 Nov., available at: https://zakon.ru/blog/2020/11/10/zakat_investicionnogo_arbitrazha_rabochaya_gruppa_yunsitral_i_gulcoe_odinochestvo_rossii (accessed: 07.09.2021).

Kalamkaryan R. A. (2012) *Mezhdunarodnyi Sud v miroporyadke na osnove gospodstva prava* [International Court of Justice in the world order based on the rule of law]. Moscow, Nauka, 307 p.

Kapustin A. Ya. (2018) *Mezhdunarodnye sudy: tendentsii razvitiya i vliyaniye na natsional'nye pravovye sistemy* [International courts: trends and impact on national legal systems]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 7, pp. 120–132.

Khabrieva T. Ya., Kovler A. I. (Eds.) (2019) *Mezhdunarodnoe pravosudie kak faktor integratsii* [International justice as a factor of integration]. Moscow, Norma, Infra-M, 192 p.

Knyazev S. D. (2016) *Obyazatel'nost' postanovlenii ESPCh v pravovoi sisteme Rossii (na osnove praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii)* [Executive force of the ECHR judgments in

a legal system of the Russian Federation (on the basis of the practice of the Constitutional Court)]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 12, pp. 5–17.

Kopylov M. N., Kopylov S. M. (2014) Innovatsionnoe vliyanie reshenii mezhdunarodnykh sudebnykh uchrezhdenii na progressivnoe razvitie mezhdunarodnogo prava ili k voprosu ob ikh pretsedentnom kharaktere [Innovative influence of decisions of international judicial institutions on the progressive development of international law or to the question of their precedent nature]. In *Yustitsiya*, no. 1, pp. 1–9.

Kovler A. I. (2015) Sootnoshenie evropeiskogo konventsionnogo i natsional'nogo konstitutsionnogo prava – obostrenie problemy (prichiny i sledstviya) [Correlation of European convention and national constitutional law – exacerbation of the problem (cause and effect)]. In *Rossiiskii ezhegodnik Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka*, Moscow, Statut, pp. 19–65.

Krasikov D. V. (2016) Konventsionno-konstitutsionnye kollizii i illyuzii: chto lezhit v osnove «vozrazheniya» Konstitutsionnogo Suda Rossii v adres Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka? [Collisions and illusions amid the convention and the constitution: what does underlie the Russian Constitutional Court's objection to the European Court of Human Rights?]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 3, pp. 101–117.

Krivokapich B. D. (2020) *Mirnoe razreshenie mezhdunarodnykh sporov* [Peaceful resolution of international disputes]. Samara, Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 592 p.

Marochkin S. Yu. (2019) Evropeiskii Sud po pravam cheloveka i Konstitutsionnyi Sud Rossii dvadtsat' let spustya: v budushchee nazad? [The European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation twenty years later: back to the future?]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 9–21.

Mezyaev A. B. (2013) *Prava obvinyaemogo v sovremennom mezhdunarodnom ugolovnom protsesse: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Rights of the accused in modern international criminal process: theory and practice: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 68 p.

Nelaeva G. A., Sidorova N. V., Khabarova E. A. (2019) Mezhdunarodnoe pravosudie kak predmet osparivaniya: krizis mezhdunarodnykh ugolovnykh sudov? [International justice as a contested domain: a crisis of international criminal courts?]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 2, pp. 93–106.

Neshataeva T. N. (Ed.) (2015) *Evraziiskaya integratsiya: rol' suda* [Eurasian integration: the role of the court]. Moscow, Statut, 304 p.

Ochirova S. B. (2018) Nepredvzyatost' arbitrov v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe: podkhody k otsenke [Impartiality of arbitrators in international commercial arbitration: approaches to the assessment]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 1, pp. 122–137.

Pimenova S. D. (2018) Reforma investitsionnogo arbitrazha glazami Evropeiskogo Soyuzha: problema i perspektivy [Investment arbitration reform in the eyes of the European Union: problems and perspectives]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 113–125.

Rachkov I. V. (2016) Reforma mezhdunarodno-pravovogo uregulirovaniya sporov mezhdru inostrannymi investormi i gosudarstvami [Reforming international resolution of disputes between foreign investors and host states]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 3, pp. 118–136.

Seitimova V. Kh. (2018) Institut osobogo mneniya: dialektika integratsionnykh protsessov v praktike Suda EAES [Institute of separate opinion: dialectics of integration processes in practice of the Court of the Eurasian Economic Union]. In *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 69–73.

Shinkaretskaya G. G. (2009) *Tendentsii razvitiya sudebnykh sredstv mirnogo razresheniya mezhdunarodnykh sporov* [Trends in the development of judicial means of peaceful settlement of international disputes]. Moscow, IGP RAN, Nota bene, 250 p.

Shinkaretskaya G. G. (2014) Mezhdunarodnye sudy i razvitie mezhdunarodnogo prava [International courts of justice and the development of international law]. In *Mezhdunarodnoe pravo*, no. 4, pp. 141–167.

Smbatyan A. S. (2012) *Resheniya organov mezhdunarodnogo pravosudiya v sisteme mezhdunarodnogo publichnogo prava* [Decisions of the bodies of international justice in the system of international public law]. Moscow, Statut, 270 p.

Smbatyan A. S. (2013) *Resheniya organov mezhdunarodnogo pravosudiya i ikh rol' v ukreplenii mezhdunarodnogo pravoporyadka: dis. ... d-ra yurid. nvuk.* [Decisions of the bodies of international justice and their role in strengthening the international legal order: a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 520 p.

Solov'eva A. V. (2019) Novye podkhody k reforme investitsionnogo arbitrazha [New approaches to the reform of investment arbitration]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 1, pp. 27–39.

T. N. Neshataeva: Sud Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza v deistvii (2016) [T. N. Neshataeva: the Court of the Eurasian Economic Union in action]. In *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 9, pp. 11–14.

Tolstykh V. L. (2015) *Mezhdunarodnye sudy i ikh praktika* [International courts and their practice]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 504 p.

Tolstykh V. L. (2018) «Printsipial'noe soprotivlenie» resheniyam ESPCh v svete kriticheskoi teorii [«Principled resistance» against European Court of Human Rights judgments in the light of critical theory]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 1, pp. 79–89.

Tolstykh V. L. (2018) Ot apologii k apologii: nekotorye obshchie problemy deyatelnosti Suda EAES [From apology to apology: general problems arising from the activity of the Eurasian Economic Union Court]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 3, pp. 66–76.

Tolstykh V. L. (2021) Problema *bona fide* v deyatelnosti mezhdunarodnykh sudei [*Bona fide* problem in the activity of international judges]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 1, pp. 57–80.

Tolstykh V. L. (Ed.) (2014) *Instituty mezhdunarodnogo pravosudiya* [Institutes of international justice]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 504 p.

Vaipan G. (2016). Trudno byt' bogom: Konstitutsionnyi Sud Rossii i ego pervoe delo o vozmozhnosti ispolneniya postanovleniya ESPCh [Hard to be a god: the Russian Constitutional Court and its first case on enforceability of a judgment of the European Court of Human Rights]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no 4, pp. 107–124.

Vel'yaminov G. M., Voznesenskaya N. N. i dr. (2018) *Mekhanizm resheniya sporov v regional'nykh integratsionnykh gruppirovkakh na primere Evropeiskogo Soyuzha, EAES, ASEAN, MERKOSUR, NAFTA i v GATT / VTO* [The mechanism for resolving disputes in regional integration groupings on the example of the European Union, EAEU, ASEAN, MERCOSUR, NAFTA and GATT / WTO]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 406 p.

Zor'kin V. D. (2015) Rossiya i Strasburg. Problemy realizatsii Konventsii o pravakh cheloveka [Russia and Strasbourg. Problems of implementation of the Convention on Human Rights]. In *Rossiiskaya gazeta*, 22 Oct.